

Жанровый репертуар поэзии Урала 1920-х годов*

После окончания Гражданской войны на Урале наметился общественно-политический подъем. Стала развиваться *политическая* лирика, в которой царили оптимистические настроения, выражались вера в Россию, надежда на ее мировую победу, знаменующую победу всемирной революции: «Лети же, клич наш боевой, / От края и до края: / Обольше- вичит шар земной / Россия трудовая» [1, т. 2, с. 66].

Распространился жанр *утопий*. Утопические контуры будущего возникали в стихах многих поэтов 1920-х годов. Так, например, стихотворение А. Потапова «В грядущее» проектирует будущую счастливую жизнь «свободных» людей – «новых богов»: «Мы из стали, железа гранитные замки, / Мы дворцы возведем королей, / Будут снова фонтаны, аллеи и парки / В том неведомом царстве людей!» [2]. Еще ранее, в 1920-м году, стихотворение Е. Обрех «В счастливую страну» развернуло пространственную экспликацию утопического социального рая: счастливая страна безоблачного счастья, где нет тревог, невзгод и болезней, где все живут в любви и согласии и мирно трудятся, растят детей, расположена в отдалении, куда ведет «тяжелый, каменистый путь» – дорога, полная опасностей и смертей: «И все вперед, через бойцов убитых / Идут толпы трудящихся по ней, / Толпы измученных, усталых и забитых. / Вперед, в тот край, где ржавых нет цепей!» [1, т. 2, с. 82].

Оптимальным средством сюжетного воплощения утверждающегося комплекса идей и представлений стал мотив пути – движение коллективных масс к заветной цели через цепь препятствий (В. Соло «Наш путь»), а жанровой формой – *марш*: «Левой, правой! Левой, правой! / Весел, звонок drobный шаг» [Там же, с. 23].

Желание сориентировать стихи на марш как способ организации движения по революционному пути проявлялось уже в названиях про-

* Исследование выполнено в русле интеграционного проекта УРО–СО РАН «Эволюция жанров в русской литературе XVII–XX вв. и региональные традиции Урала и Сибири».

© Васильев И. Е., 2009

изведений: И. Петухов «Марш революции», Г. Вольный «Марш-Динам», Градобоев «Марш спортсмена».

Произведения, получившие атрибуцию *песня*, также должны были служить общим интересам. Это поэзия подбадривания, нужная для поддержания боевого духа, оптимистического видения происходящего, повышения результативности революционной и социально-производственной деятельности, направленной на создание нового общественного строя.

Совместная жизнь, коллективное участие в общественных процессах стимулировали коммуникацию. Отсюда распространение *апеллятивных жанров*: *лозунгов, призывов, инвектив, похвал и славословий, обращений и воззваний, посланий* и т. п.

Апеллятивным жанрам в большинстве случаев свойственны *императивность, приказной стиль*, что отражается в названиях произведений: «На борьбу!», «За труд!», «На заводы!», «На фронт труда!», «Сейте!». Широко распространены *послания-обращения* к представителям различных социальных слоев, субъектам исторического процесса с вопрошанием либо побуждением к действию (борьбе, труду, единению): «Брат, рабочий, / Брат, крестьянин, / За Советы стой горой. / Помни – ты теперь хозяин над землей!» [1, т. 1, с. 215].

Чаще всего послания принимали форму *воззвания* – развернутого обращения к тем или иным лицам (чаще – группам): В. Попов «Коммунарам», И. Смородинов «Работникам всего мира», В. Буйницкий «Восставшему», В. Кленов «Идущим». Нередки *послания-приветствия* (Г. Амурский «Привет революционной молодежи»), *обращения* старшего поколения к молодым (Л. Гребнева «Уральской молодежи»). Порой в форму послания облекались *раздумья* о поэте и поэзии (Г. Амурский «Предугадать грядущее свершение», С. Васильев «Уральским поэтам», Вен. Горн «Лирическому поэту»).

Смысл и пафос многих стихов определялись прикрепленностью к какой-либо политической дате, революционному празднику, очередной правительственной кампании. Поэзия в этих условиях оказалась интегрированной в социально-политические процессы большевистской модернизации общества, ангажированной, стала служить *агитационно-пропагандистским* целям.

Соответственно направленности общественно-политического события стихи носили либо утвердительный, либо отрицающий характер. Стихи, посвященные Октябрьской революции 1917 года, революционным датам, Первому мая, исполнены *одического* пафоса прославления и

ликования. Стихи же, низвергающие и разоблачающие недостатки, образовывали зоны *сатирической* поэзии. Сгущение обвинений в адрес отрицательных явлений, гневная отповедь врагам влекли за собой появление такого жанра, как *инвектива*. Содержанием его становились обвинения и угрозы политическим противникам (Здешний «Колчаковским палачам»), выговоры нежелательным «социальным элементам» (Доля «Дезертиры труда»), обличение верующих и религии в целом (К. Кукин «К ликующим», Ржанников «Похоронный марш»).

Обращение к быту и фактам повседневной жизни свидетельствовало о постепенной перестройке общего хода развития поэзии, перегруппировке ценностных устремлений и интересов: многообразные жанры *патетической* лирики в середине 1920-х годов оттесняются или, по крайней мере, дополняются жанрами *описательной* и *рефлексивной* лирики. Этому способствует наступившая эпоха нэпа, требующая внимания к конкретным сторонам человеческой жизни. Мировоззренческие реалии того времени формировались стремлением к реконструкции окружающей действительности, суть культурного процесса связывалась с объяснением, направленным на поиск однозначно трактуемой истины. Отсюда поиск «простых» слов, которые представлялись наиболее адекватными для передачи важнейшей информации о жизни.

«Простое» слово плохо уживалось с патетикой и абстракциями революционной оды. «Простое» слово говорило о внятных вещах, стремилось поведать о человеке со своей биографией и характером. Оно опиралось на систему *номинативных* жанров, в частности, на жанр *портрета*.

Первоначально (сразу после революции 1917 года) портретное изображение было весьма приблизительным, в нем царили суммарные, обобщенные признаки. Черты индивидуальности проступали слабо и спорадически. В человеке ценились свойства, роднящие его с коллективом, группой, социумом, поэтому герой не нуждался в собственной индивидуализации, отрекался от личного и готов был заменить свое собственное имя безликим обозначением «рабочий», «коммунар» и т. п. Отказ от деталей облика приводил к укрупнению изображения.

Параллельно вызревали и другие процессы. Так, например, в 1923 году появилось стихотворение И. Келлера «Рабфаковец», в котором уже явственно проступали черты личной биографии героя, чувствовалось стремление к детализации. В стихотворении нарисован живой запоминающийся портрет человека без малейшего намерения гиперболизировать черты его внешнего облика: «В полушубке, английской кепке, / Не

сдержать ей разбег кудрей, / Загорелый, сухой и крепкий, / Обожженный дыханьем дней». Автору важно боевое прошлое героя, и оно предстает в многообразии своих проявлений: «Был: в степях, на Дону, Кубани, / Партизан, военрук, комбат...» [3].

Часто характерология опирается на профессиональные приметы и особенности человека. Так возникают портреты рабочего (В. Роман «Рабочий»), кузнеца (С. Алтаев «Кузнец», Н. Бутров «В кузнице», Дм. Попов «Кузнец»), пахаря (Крестьянин «Пахарь»), столяра (А. Макаров «Веселый столяр»), телеграфистки (П. Лютиков «Телеграфистка»), пилота (И. Свободный «Песня пилота»), солдата (И. Жемчугов «Красный воин»).

Среди стихотворных портретов встречаются групповые – зарисовки социальных типов, портреты отдельных общественных групп, слоев населения: женщин, получивших свободу (Т. Лесникова «Новая женщина»), беспризорников (О. Черняева «Ничьи», И. Шламов «Дети улицы»), рабочих корреспондентов (Д. Субботин «Раньше были хулиганы...»).

Существовал в 1920-е годы и *сатирический* портрет, развенчивающий персонажа, как в стихотворении А. Лобанова «Раскаяние Колчака». Зато портретам большевистских политических деятелей – Л. Троцкого (Н. Комаров «Троцкий») и особенно В. И. Ленина (А. Климов «Кто?», Вен. Горн «В. И. Ленину») был свойствен пафос *возвеличивания*.

Рядом с портретом жила поэзия *описательная*, воспроизводящая картины окружающей жизни, интерьер, пейзаж. В *лирике природы* описательное начало, как правило, дополняется мыслями и чувствами созерцающего пейзаж человека (А. Альпин «Осень»), нередко наблюдается антропоморфизация явлений окружающей природы, порой перерастающая в символично-аллегорическое обобщение: «Краснея, раздевалась роща. / Снег долго ждал, / И вот – красивее и проще / Ее нагую увидел – / И в миг, порывный и могучий, / Он в вихре страсти охмелел, / А днем в усталости тягучей / В объятьях рощи забелел» (А. Альпин «Первый снег») [1, т. 1, с. 97].

Довольно широко распространены *ландшафтные миниатюры*, подобные лаконичной, напоминающей акварельную картину *поэтической пейзажной зарисовке* в стихотворении А. Каюрина «Весна»: «Зеленеет лес и поле, / Чище гладь хрустальных вод, / Полон воздух вешней воли, / Голубее неба свод. / На черемухе душистой / Белоснежная фата, / И покрылись дымкой мгlistой / Дали горного хребта» [Там же, с. 102].

Усиление внимания к жизненным обстоятельствам и бытовым подробностям повлекло за собой в ходе развития литературного процесса

«заземление» отдельных жанров. Так, распространенное в начале 1920-х годов *послание* нередко трансформируется в *эпистолярный* жанр. Приемы *эпистолы* сохраняются и в названии (И. Бут «Письмо», Г. Троицкий «Письмо», Н. Лекомцев «Письмо»), и в форме произведений: встречаются принятые в письме приветствия («Здорово, мой отец, / Старик, здорово» [1, т. 2, с. 29]), прощание в конце письма («Часы бьют семь. Гудок поет. / Ну, до свидания!» [1, т. 1, с. 199]).

Распространены в поэзии того времени *зарисовки* нового производственного уклада, быта и повседневности, *жизнейские истории*. Лирика в них уступает место драматургии обстоятельств. К середине 1920-х годов становится востребованным *новеллистический* жанр. В произведениях этого фабулярного типа в основе сюжета лежит некая жизненная история, нередко биография героя или какое-нибудь происшествие либо цепь событий. Такие рассказы чаще всего ретроспективны, в них сообщается о прошлом – военно-историческом, революционном.

Таким образом, уральская поэзия 1920-х годов была довольно разнообразна по своему жанровому составу, хотя преобладали в ней, безусловно, стихи политического и пропагандистского наполнения.

-
1. Голдин В. Н. Поэзия периода военного коммунизма, НЭП и первой пятилетки в периодической печати Урала: В 2 кн. Екатеринбург, 2006.
 2. Потапов А. В грядущее // Студент-рабочий. Екатеринбург. 1922. № 7.
 3. Келлер И. Рабфаковец // Студент-рабочий. Екатеринбург. 1923. № 2.

Д. М. Давыдов
г. Москва

Проблема жанра и жанрообозначения в современных «синтетических» текстах

На протяжении XX века (уходя корнями в век XIX-й и продолжаясь в XXI-ом) как теоретическая проблематика синтеза искусств, так и опыты практического осуществления такого синтеза оставались (и остаются) актуальными для самых различных художественных пространств.

Вместе с тем, богатейшая в своей основе культурная парадигма межвидового синтеза теоретически не вполне проявлена: огромное количес-